

Мунбин Мур

*Шёлком
по
стали*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мунбин Мур

Шёлком по стали

«Автор»

2025

Мур М.

Шёлком по стали / М. Мур — «Автор», 2025

Виктория Зорина — восходящая звезда современного искусства. Ее провокационные работы, где нежный шелк сплетается с грубой сталью, вызывают восторг и ярость. Когда в адрес художницы поступают угрозы, нанятый для ее защиты Артур Волков оказывается ее личной грозой и главной одержимостью. Он — воплощение силы и контроля, человек из мира, где правит холодный расчет. Она — взрывная смесь таланта, страсти и дерзости. Их встреча — это искра, брошенная в бензин. Страсть вспыхивает мгновенно, грубая и всепоглощающая, стирая границы между охранником и подзащитной. Но за угрозами стоит чья-то мстительная воля. Игра превращается в опасную схватку, где на кону — не только жизнь Виктории, но и сердца тех, кто не верил, что способен любить. Сможет ли сталь защитить шелк, не разорвав его в клочья? Или их страсть уничтожит их самих? Погрузитесь в мир запретного влечения, где за каждым прикосновением скрывается опасность, а за каждым поцелуем — цена, которую придется заплатить.

© Мур М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мунбин Мур Шёлком по стали

Глава 1

Заказ на порчу

Дождь барабанил по тонированным стеклам черного Mercedes G-Class, превращая вечерний город в размытое полотно из света и теней. Артур Волков откинул голову на подголовник из алькантары, пальцами в такт ударам капель отбивая ритм на рулевом колесе, обшитом мягкой кожей. Его пальцы – большие, с едва заметными шрамами на костяшках и коротко подстриженными ногтями – казались чуждыми этой роскоши. Они больше привыкли к шершавой ленте приклада, холодной стали оружия или к грубой веревке.

Он ненавидел такие заказы. «Персональная охрана». Это звучало так же противно, как и пахло – деньгами, приправленными паранойей и звездной болезнью. Обычно его агентство «Волк-Сейфти» работало с серьезными вещами: логистические центры, корпоративные переговоры, антикризисный менеджмент. Не с капризными блогерами или актрисами, боящимися папарацци.

Но Егор Сомов был старым знакомым, да и счет, который он выставил за этот «проект», заставил даже Артура присвистнуть про себя. Деньги, конечно, пахли прекрасно.

Навигатор вывел его к цели: заброшенный кирпичный завод на окраине, превращенный в лофт-пространство. «Галерея Сомова». Высокие окна, залитые изнутри теплым светом, выглядели как гигантские аквариумы в мрачной стене прошлого века.

Артур заглушил двигатель, секунду посидел в тишине, слушая, как дождь стихает до мелкой измороси. Он провел ладонью по щетине на щеках, надел темные очки, хотя солнца не было уже часа три. Привычка. Последний щит перед выходом в поле.

Выходя из машины, он автоматически оценил обстановку: три выхода, включая аварийные, плохая освещенность по периметру, кусты, идеальные для засады. «Херовое место для галереи», – констатировал он про себя и тяжелой, уверенной походкой направился к главному входу.

Дверь была не заперта. Войдя внутрь, Артур на мгновение застыл, пораженный. Контраст был ошеломляющим.

Снаружи – грязь, запустение, промозглая осень. Внутри – царство грубой силы, облаченное в утонченность. Высоченные потолки с открытыми стальными фермами, кирпичные стены, не тронутые штукатуркой, и бетонный пол, отполированный до зеркального блеска. И на этом индустриальном фоне – взрыв цвета, текстуры и чувственности.

Повсюду висели огромные полотна. Но это были не просто картины. Они были живыми. Сквозь слои краски прорастала стальная проволока, изгибаясь в причудливые, порой болезненные формы. Кое-где к холстам были пришиты куски шелка, бархата, кружева. Они развевались от сквозняка, словно дыша. Скульптуры из обрезков ржавого металла сплетались в объятиях с хрупкими стеклянными формами. Это было красиво, странно и откровенно провокационно.

Воздух пах озоном, льняным маслом, краской и чем-то еще... сладковатым, цветочным. Жасмином.

– Волков, я прав? – раздался голос, и из-за огромной конструкции, напоминающей сердце, оплетенное колючей проволокой, появился Егор Сомов. Невысокий, подвижный, в идеально сидящем иссиня-черном костюме.

Артур кивнул, пожав протянутую руку. Рука Сомова была мягкой, ухоженной.

– Рад, что приехал лично. Обычно ты уже делегируешь таких ранних клиентов, – улыбнулся Егор.

– Для тебя исключение, – голос Артура звучал низко и глухо, как далекий гром. – Что за чертовщина тут происходит? И где тот ценный актив, которого мне предстоит пасти?

– Это не «чертовщина», дорогой мой, это гений. И ценный актив вот, она сама, – Егор сделал широкий жест.

Из-за угла вышла она.

Артур, всегда контролирующий себя, почувствовал, как что-то сжимается у него внизу живота. Женщина. В платье цвета спелого граната – длинном, с открытыми плечами, облегающим соблазнительные изгибы бедер и затем ниспадающим мягкими складками. Она была вся в краске – мазки лазурного на запястье, алая полоса на щеке, капли изумрудного на шее. Ее темные волосы были собраны в небрежный пучок, от которого упрямо выбивались несколько прядей, кудрявившихся от влажности.

Но больше всего его поразили глаза. Огромные, цвета темного меда, с золотистыми искорками. В них читался ум, дерзость и усталость одновременно.

– Виктория, знакомься, это Артур Волков. Тот самый специалист по безопасности, о котором я тебе говорил. Артур, Виктория Зорина. Наше сокровище и головная боль – произнес Сомов.

Виктория медленно подошла, оценивающе скользнув взглядом по Артуру с головы до ног. Ее взгляд был таким же тактильным, как прикосновение. Он почувствовал его на своей груди, на плечах, на мышцах пресса.

– Специалист по безопасности, – повторила она, и в ее голосе прозвучала легкая насмешка. Голос был низким, немного хриловатым, как будто она только что проснулась. – Выглядите как горный тролль, забредший не в ту пещеру. Ваш костюм стоит больше, чем вся моя последняя инсталляция, но сидите вы в нем, словно на пытке.

Артур сдержал раздражение. Он привык, что люди побаиваются его с первого взгляда. Эта – нет.

– В этом костюме я могу пробежать километр, перелезть через трехметровую стену и при этом не порвать его, мисс Зорина, – парировал он, глядя на нее сверху вниз. – А ваша инсталляция, если она такая же хрупкая, как ваши манеры, действительно нуждается в защите.

Егор закашлял, пытаясь снять напряжение.

– Ну, вы уже нашли общий язык! Прекрасно. Артур, суть в чем. Выставка Вики «Шелком по стали» открывается через неделю. Она уже вызвала... ммм... нездоровый ажиотаж среди определенных групп. Религиозные активисты, ультраконсерваторы из мира искусства. Поступали угрозы. Письма, звонки. Вчера кто-то подбросил в студию мертвого голубя с перерезанным горлом. Мило, правда?

– Очаровательно, – буркнул Артур, его глаза сузились. Теперь это был взгляд профессионала. – Протоколы безопасности? План помещения? Расписание передвижений?

– Я никуда не собираюсь передвигать... – начала Виктория, но Артур перебил ее, обращаясь только к Сомову.

– До открытия выставки никто, кроме утвержденного мной персонала, сюда не допускается. Я проверю все системы, установлю свои камеры, организую патруль. Мисс Зорина не остается здесь на ночь. Не перемещается по городу одна. Все ее визиты согласовываются со мной. Выделите мне ключи и все доступы.

– Вы что, с ума сошли? – Виктория вспыхнула. Ее щеки покрылись алым румянцем, совпадающим с цветом краски на ее коже. – Это моя студия! Моя выставка! Я здесь работаю, я живу здесь часто! Я не собираюсь спрашивать у вас разрешения, чтобы сходить за кофе!

Артур наклонился к ней чуть ближе, используя свой рост и ширину плеч как психологическое оружие. Он уловил ее запах – жасмин, масло, и что-то еще, чисто женское, возбуждающее.

– Мисс Зорина, тот, кто подбросил голубя, не остановится на этом. Он может подбросить бомбу. Или подойти к вам с ножом, когда вы будете покупать свой латте с корицей. Вы либо принимаете мои правила, либо ищете другого «тролля».

Их взгляды скрестились, словно клинки. Между ними пробежала искра такой силы, что Егор Сомов невольно отступил на шаг. Это была не просто злость. Это было первобытное притяжение, замешанное на ярости.

– Ладно, – сдался Сомов. – Вика, он прав. Это ненадолго. Артур, действуй как знаешь. У меня совещание. Ключи и схемы у моего ассистента. Вика, покажи ему все.

Сомов ретировался, оставив их одних в огромном зале, наполненном немymi свидетелями их противостояния.

– Ну что, надзиратель, – ядовито произнесла Виктория. – С чего начнем ваш осмотр?

– С начала, – коротко бросил он и пошел вдоль полотен, его глаза выискивали не красоту, а уязвимости. Окна, двери, слепые зоны.

Виктория шла рядом, ее раздражение постепенно сменялось любопытством. Она наблюдала, как он двигается. Его походка была грациозной, но в ней чувствовалась готовая к взрыву сила. Как у крупного хищника. Он трогал стальные тросы, державшие некоторые инсталляции,

проверял их на прочность. Его огромные, грубые руки на фоне хрупких произведений искусства выглядели кощунственно и... невероятно сексуально.

Ей вдруг страстно захотелось, чтобы эти руки коснулись ее. Не как охранника, а как мужчины. Грубо, требовательно. Чтобы они оставили на ее коже следы, как краска.

Она повела его вглубь галереи, в следующий зал. Здесь было темнее, освещались только сами работы. В центре зала стояла ее самая большая и провокационная работа – абстрактная скульптура под названием «Слияние». Две фигуры, выкованные из темного, ржавого металла, сплетались в страстном объятии, а их тела были опутаны и прошиты алым шелком, который струился из них, как кровь, или как вены.

– И что это должно изображать? – спросил Артур, останавливаясь перед ней.

– Все что угодно. Борьбу. Страсть. Боль. Любовь как насилие. Смотря что зритель сам принесет с собой, – она подошла к скульптуре и провела рукой по холодному металлу, а затем по шелку. – Жесткость и мягкость. Силу и уязвимость. Мужское и женское.

Она обернулась к нему. Ее глаза блестели в полумраке.

– Вы ведь тоже это чувствуете, да? Ваша сталь... и мой шелк.

Артур замер. Сердце забилося чаще. Он смотрел на ее пальцы, ласкающие грубый металл и нежную ткань. Он представил, как эти пальцы скользят по его коже, по шрамам на его теле...

Громкий лязг металла где-то на втором этаже заставил их обоих вздрогнуть.

– Что это? – резко спросил Артур, мгновенно возвращаясь в реальность.

– Наверное, монтажники... – неуверенно начала Виктория, но Артур уже не слушал.

Он двигался бесшумно, несмотря на свои размеры, прислушиваясь. Его тело напряглось, готовое к действию.

– Никого не должно было быть, – прошептал он. – Стой здесь.

Он исчез в темноте, растворился в лабиринте инсталляций. Виктория осталась одна перед своими сплетенными металлическими любовниками. Сердце колотилось где-то в горле. Внезапно галерея, ее убежище, ее мир, показалась ей враждебной и пугающей.

Послышались шаги. Тяжелые, незнакомые.

– Артур? – тихо позвала она.

В ответ – еще один удар, на этот раз ближе. И потом тишина. Глубокая, давящая.

И вдруг – оглушительный, ревущий грохот прямо над ее головой. Что-то огромное и темное рухнуло с потолочной фермы.

Виктория замерла, парализованная ужасом. Она увидела массивную металлическую балку, часть старого оборудования, летящую прямо на нее.

И тут из темноты метнулась тень. Артур. Он двигался с нечеловеческой скоростью. Не кричал, не предупреждал. Просто действовал.

Сильным толчком он отшвырнул ее в сторону. Она полетела, ударилась о мягкий защитный мат, лежавший под другой скульптурой. В тот же миг раздался оглушительный лязг, и пол содрогнулся от удара. Балка рухнула как раз на то место, где она только что стояла, поднимая облако пыли.

Секунду царила тишина, нарушаемая только гулом в ушах.

Виктория, дрожа, попыталась подняться. И поняла, что не может. Артур лежал на ней. Его тяжелое, могучее тело прижало ее к полу. Его лицо уткнулось в ее шею, горячее дыхание обжигало кожу.

Сначала они лежали неподвижно, пытаясь осознать произошедшее. Адреналин заставлял кровь бешено струиться по венам.

И тогда осознание сменилось другим, более сильным чувством.

Виктория почувствовала весь его вес. Твердый пресс, упершийся в ее бок. Мощные бедра, прижавшие ее ноги. Широкую грудь, давящую на ее грудь так, что ей стало трудно дышать, но это было сладкой, желанной пыткой.

Он приподнялся на руках, чтобы не раздавить ее совсем. Его лицо было в сантиметрах от ее лица. В темноте она видела только его глаза – горящие, темные, полные неотразимой силы.

– Вы... целы? – его голос был хриплым, в нем не было и тени прежней холодности.

Она не могла говорить. Она только кивнула, чувствуя, как ее губы приоткрываются. Ее тело под ним вздрагивало от каждого его микродвижения.

Он тоже это чувствовал. Всей кожей. Ее грудь, мягкая и упругая, поддавалась под его давлением. Ее бедра... Он почувствовал жар, исходящий от самой сердцевины ее тела. И свой собственный ответ. Кровь прилила к паху, и он понял, что его член, твердый и требовательный, упирается ей в бедро.

Он должен был немедленно отползти. Извиниться. Сделать вид, что ничего не произошло.

Но он не двигался. Он смотрел на ее губы, влажные и полные. На ее глаза, расширенные от страха и... чего-то еще. От желания.

Его взгляд упал на ее шею. Там, где билась жилка, на коже красовалась капля зеленой краски. Бездумно, повинаясь импульсу, который был сильнее любого протокола, он наклонился и прижал свои губы к этому месту.

Не поцелуй. Скорее... прикосновение. Обозначение. Вдыхание.

Кожа под его губами была невероятно нежной, горячей. Он почувствовал солоноватый вкус краски и сладкий, цветочный аромат ее духов. И ее собственный, сокровенный запах, от которого закружилась голова.

Виктория издала тихий стон. Не протеста, а одобрения. Ее руки, которые должны были оттолкнуть его, сами собой поднялись и вцепились в его плечи. В жесткие, как сталь, мышцы, покрытые тонкой тканью костюма.

Он поднял голову, его глаза были дикими, почти животными. Больше не было охранника и подзащитной. Были мужчина и женщина, на которых только что обрушилась смерть, и теперь жизнь требовала своего.

– Ты... – прошептала она, и ее голос дрожал.

Он не дал ей договорить. Его рот нашел ее рот.

Это был не нежный, вопрошающий поцелуй. Это было завоевание. Нападение. Его губы были грубыми, требовательными. Он заставил ее рот открыться и вошел в него своим языком, властным и умелым. Вкус его был мятным, с горьковатым оттенком кофе, и он свел ее с ума.

Она ответила ему с такой же яростью, впиваясь пальцами в его волосы, прижимая его к себе, чувствуя, как нарастает бешеная волна желания. Ее таз непроизвольно прогнулся, и она почувствовала его твердость прямо в том месте, где она уже была мокрая и пульсирующая от потребности.

Он оторвался от ее губ, его дыхание было тяжелым и прерывистым. Он смотрел на нее, на ее запрокинутое лицо, полузакрытые глаза, распухшие от поцелуя губы.

– Черт, – хрипло выругался он. – Это неправильно... я не должен...

– Заткнись, – прошептала она, притягивая его обратно к себе. – Просто не останавливайся.

Его рука скользнула вниз, сжала ее грудь через тонкую ткань платья. Он услышал ее резкий вдох и почувствовал, как сосок затвердел у него на ладони. Он сжал его сильнее, и она застонала прямо ему в рот, ее ноги обвилились вокруг его бедра, пытаясь прижать его еще ближе, почувствовать еще острее.

Он был на грани. На грани того, чтобы сорвать с нее это чертово платье и взять ее прямо здесь, на холодном бетонном полу, среди ее безумных творений, под призрачным взглядом металлических скульптур.

Но где-то вдалеке, на другом конце галереи, хлопнула дверь и послышались встревоженные голоса. Его люди. Сомов. Монтажники.

Реальность ворвалась в их приватный ад, как ледяной душ.

Артур оторвался от нее так резко, словно ее кожа жгла его. Он вскочил на ноги одним мощным движением, отступив на шаг. Его лицо было маской из напряжения, гнева на себя и

неутоленной страсти. Он поправил костюм, сгладил волосы. Рука автоматически потянулась к тому месту на поясе, где обычно был пистолет.

Виктория лежала, чувствуя внезапную пустоту и холод. Ее тело кричало от неудовлетворенности. Она приподнялась на локтях, смотря на него. Ее платье было закатано до бедер, волосы растрепаны, губы распухли от его поцелуев.

Они молча смотрели друг на друга – он, стоящий во тьме, как демон, вызванный ею же из самых потаенных фантазий, и она, растрепанная и покоренная, у его ног.

Голоса приближались.

– Ни слова, – тихо, но властно произнес он. Его взгляд снова стал взглядом охранника. Но теперь она знала, что скрывается за этой маской. Дикая, неконтролируемая животная страсть.

– Об этом. Ни слова.

Повернувшись, он пошел навстречу голосам, оставив ее одну на полу, с телом, полным огня, и с умом, переполненным хаосом.

Она медленно опустилась на спину, глядя в темноту потолка, и провела пальцами по тому месту на шее, где прикасались его губы. Потом поднесла пальцы к носу, вдохнула смесь запахов его кожи, своей краски и ее возбуждения.

Угрозы, опасность, мертвые голуби... Все это вдруг стало фоном для чего-то другого. Что-то началось. Что-то опасное, запретное и невероятно желанное.

И она поняла, что хочет этого. Хочет его. Всего. Его стали против своего шелка.

И пусть будет больно.

Переведи мне пожалуйста все английские слова на русские, чтобы перевод подходил по смыслу, но не меняй структуру, только перевод английских фраз и всё, спасибо.

Глава 2

Прикосновение к холсту

Три дня. Семьдесят два часа. Четыре тысячи триста двадцать минут.

И каждый из них был наполнен им.

Для Виктории время разделилось на «до» и «после». После того как на нее рухнула балка. После того как на нее рухнул он.

Галерея превратилась в крепость. По периметру теперь дежурили суровые мужчины в такой же тактической униформе, как у их босса. Появились камеры с красными горящими глазками-светодиодами. Все входы и выходы были оборудованы датчиками движения и сканерами отпечатков. Артур Волков работал быстро и эффективно.

И он был вездесущ. Он не следил за ней – он присутствовал. Его молчаливая, мощная фигура возникала в дверном проеме, когда она разговаривала с монтажниками. Он стоял спиной к ней, наблюдая за входом, пока она делала наброски в своем альбоме. Он пробежал мимо нее утром, в черной майке и спортивных штанах, весь влажный от утренней пробежки вокруг здания, и запах его – соленый, чисто мужской – надолго зависал в воздухе, сводя ее с ума.

Они не говорили о том, что произошло. Ни слова. Он был абсолютно профессионален, холоден, даже отстранен. Но напряжение между ними росло с каждой секундой, превращаясь в плотный, гулкий кокон, в котором только они двое дышали одним и тем же воздухом, слышали учащенное биение сердец друг друга и помнили.

Помнили, как его язык вошел в ее рот.

Помнили, как его твердый член давил ей в бедро.

Помнили вкус друг друга.

Виктория пыталась работать. Ей нужно было закончить центральную инсталляцию – «Сердцевину». Это была сложная конструкция из полированной нержавеющей стали, внутри которой должны были светиться световые нити, оплетенные самым тонким, почти невесомым шелком цвета запекшейся крови. Но ее руки дрожали. Взгляд постоянно уплывал туда, где он был.

Сегодня он проверял систему вентиляции на антресольном этаже, куда вела узкая железная лестница. Виктория наблюдала снизу, как он двигается там наверху, в луче фонарика, его спина напряжена, мышцы играют под мокрой от пота тканью майки.

Ей нужно было подняться. Там хранились банки с специальным акриловым гелем, который был нужен для фиксации шелка. Она медленно пошла к лестнице, чувствуя, как его взгляд скользнул по ней, как физическое прикосновение.

Лестница была крутой. Она чувствовала его глаза на своей спине, на ягодицах, обтянутых простыми джинсами, на голых лодыжках. Каждый шаг отдавался глухим стуком в ее висках.

Антресоль представляла собой узкое пространство под самой крышей, заставленное стеллажами с материалами. Здесь было душно, пыльно и пахло металлом и старым деревом. И им.

Он стоял к ней спиной, изучая вентиляционную решетку. Пространства было так мало, что она могла бы дотронуться до него, просто протянув руку.

– Мне нужен гель, – голос ее сорвался, стал сиплым. – Вон в той коробке.

Он обернулся. Их тела оказались в сантиметрах друг от друга. В узком проходе между стеллажами не было места, чтобы разминуться. Они были в ловушке.

– Я занят, – его голос прозвучал глухо. Он не смотрел ей в глаза, его взгляд был прикован к ее губам.

– Я вижу, – прошептала она.

Они замерли. Воздух стал густым, как мед, и таким же сладким от невысказанного желания. Сверху доносились приглушенные голоса монтажников, но здесь, в этой клетке из старых досок, существовали только они.

Его рука с фонариком медленно опустилась. Свет погас. Их окутала мягкая, интимная темнота, нарушаемая только лучами света, пробивавшимися сквозь щели в стенах.

– Виктория... – он произнес ее имя впервые. Не «мисс Зорина». А Виктория. И в его устах это звучало как угроза и как ласка.

– Я не могу работать, – призналась она, глядя на его грудь, которая поднималась и опускалась в такт его учащенному дыханию. – Я все чувствую. Каждый твой шаг. Каждый твой взгляд. Ты свел меня с ума за эти три дня.

– Это моя работа. Следить за тобой.

– Ты следишь не так, как они, – она кивнула в сторону окна, за которым мелькнула тень одного из его охранников.

Он шагнул к ней. Теперь их тела почти соприкасались. Она почувствовала исходящее от него тепло.

– А как? – его голос стал тихим, опасным шепотом. – Как я слежу за тобой, Виктория?

– Ты смотришь на меня так, будто хочешь снять с меня кожу. Будто хочешь разобрать меня на части, как твою дурацкую систему безопасности. Изучить. Понять. И... присвоить.

Она подняла руку и, не веря своей смелости, положила ладонь ему на грудь. Через тонкую ткань майки она ощутила горячую, влажную кожу и бешеный стук сердца. Оно билось так же часто, как ее собственное.

Он вздрогнул от ее прикосновения, словно получил удар током. Его рука молниеносно среагировала – он схватил ее за запястье, прижимая ее ладонь к своей груди еще сильнее. Его хватка была твердой, почти болезненной.

– Ты играешь с огнем, – прошептал он, наклоняясь к ней так близко, что его губы почти коснулись ее виска. Его дыхание обжигало ее кожу. – Ты понятия не имеешь, кто я.

– Покажи мне, – ее собственный шепот был вызовом. Она потянулась к нему, стирая последние миллиметры между ними. Ее грудь уперлась в его твердый пресс. Низ живота встретился с мощной мускулатурой его бедер. – Покажи мне, какой ты. Я не боюсь.

С последними словами она приподнялась на цыпочках и впилась зубами в его нижнюю губу. Легко, почти нежно, но с такой дерзостью, что он застонал – низкий, животный звук, идущий из самой глубины его существа.

Его терпение лопнуло.

Он набросился на нее. Его руки обхватили ее лицо, его пальцы вцепились в ее волосы, распуская пучок. Темные пряди упали ей на плечи. И его рот захватил ее рот с такой яростью, что у нее перехватило дыхание.

Этот поцелуй не имел ничего общего с тем, первым, в пыли и адреналине. Тот был вспышкой. Этот был... преднамеренным. Осозанным. Он был голоден. Он исследовал каждый уголок ее рта, его язык был властным, требовательным, заставляя ее отвечать ему с той же дикостью.

Одна его рука соскользнула с ее лица на шею, большим пальцем оттягивая ее подбородок, чтобы глубже войти в ее рот. Другая рука опустилась на ее талию, прижимая ее к себе так сильно, что она почувствовала каждый жесткий изгиб его тела.

Она ответила ему с равной страстью, впинаясь ногтями в его спину, чувствуя под тканью майки игру мощных мышц. Она терлась о него, пытаясь стимулировать ту пульсирующую, мокрую точку между ее ног, которая требовала внимания.

Он оторвался от ее губ, его глаза пылали в полумраке. Его дыхание было тяжелым и прерывистым.

– Вот кто я, – прохрипел он, и его рука скользнула между ними, нажимая ей на промежность через джинсы.

Волна удовольствия прокатилась по ней, заставив ее выгнуться и вскрикнуть. Он прижал ее к стеллажу позади, старые банки загремели от толчка.

– Я не нежный, – он говорил прямо в ее губы, продолжая ритмично, жестко надавливать ей на клитор ладонью. – Я не буду с тобой нянчиться. Я не знаю, как это делать.

– Я и не... ах!.. не прошу нежности, – она задыхалась, ее бедра сами двигались в такт его нажатиям. – Я прошу этого. Только этого.

Его пальцы нашли молнию на ее джинсах и резко дернули ее вниз. Затем крючок на ее простом хлопковом бюстгальтере поддался одному точному движению. Он не раздевал ее – он обнажал. Срывал покровы.

Прохладный воздух коснулся ее горячей кожи. Его руки, шершавые и твердые, поднялись к ее груди, сжали ее, пальцы впились в нежную плоть, сдавили затвердевшие, болезненно чувствительные соски.

– Боже... – вырвалось у нее, когда боль смешалась с пронзительным наслаждением.

– Замолчи, – приказал он тихо, но так, что по ее коже побежали мурашки. – Ни звука.

Он наклонился и взял ее сосок в рот. Горячий, влажный, жадный. Он не ласкал его – он покорял. Сосал, кусал, терся о него шершавым языком. Она впилась пальцами в его волосы, прижимая его к себе, чувствуя, как спазмы удовольствия сотрясают ее живот и уходят глубже, в самую сердцевину.

Его рука снова ушла вниз, залезла в ее джинсы и трусы. Его пальцы, такие грубые и незнакомые, нашли ее киску. Она была мокрой, горячей, раскрытой для него.

– Вот какая ты, – прошептал он с каким-то торжествующим злорадством, проводя пальцем по всей ее длине, от заднего прохода к вздувшемуся, гиперчувствительному клитору. – Вся мокрая для меня. После трех дней моих взглядов.

Он ввел в нее два пальца. Резко, без предупреждения. Она вскрикнула от неожиданности, ее внутренние мышцы судорожно сжались вокруг него.

– Я сказал, тихо, – он прикусил ее сосок, заставляя ее заглушить стон.

Его пальцы начали двигаться внутри нее. Глубоко, властно, вымеряя каждый сантиметр ее внутреннего пространства. Большой палец упирался в клитор, делая жесткие, круговые движения. Он знал, что делал. Знала его тело. Это был не любовный ритуал. Это была проверка на прочность. На принятие.

И она принимала. Вся ее сущность концентрировалась на этих пальцах, входящих и выходящих из нее, на этом грубом, почти унижительном прикосновении, которое возбуждало ее так, как ничто другое прежде.

– Кончи для меня, – приказал он ей прямо в ухо, кусая мочку. – Сейчас же. Я хочу чувствовать, как ты сжимаешься.

Его слова, его властный тон, его пальцы, достигающие какой-то невероятной точки внутри нее... Все сошлось в один ослепительный взрыв. Волна оргазма накрыла ее с такой силой, что у нее потемнело в глазах. Она закусила губу, чтобы не закричать, ее тело затряслось в немых конвульсиях, и горячая влажность хлынула на его руку.

Он продолжал двигать пальцами, продлевая ее наслаждение, пока она не начала слабо отбиваться, слишком перевозбужденная.

Только тогда он вынул руку. В полумраке она видела, как он поднес пальцы к своему лицу, к своим губам, и слизал с них ее соки, не сводя с нее темного, горящего взгляда.

– Вкусно, – хрипло произнес он. – Сладко. И немного терпко. Как твое искусство.

Он застегнул ее джинсы, поправил на ней майку, движения его были резкими, практичными. Он снова стал охранником. Но теперь она знала, что скрывается за этой маской. Дикая, необузданная чувственность.

Снизу слышались шаги и голос одного из его людей:

– Босс? Вы наверху? Проверка по периметру.

Артур не ответил. Он смотрел на Викторию. Она стояла, прислонившись к стеллажу, все еще дрожа, с разгоревшимися щеками и распухшими губами. Она была совершенно развратна и прекрасна.

– Ни слова, – снова повторил он свое заклинание, его голос снова был стальным. – Спускайся через пять минут. И приведи себя в порядок.

Он развернулся и вышел из-за стеллажей, навстречу своему сотруднику.

– Я здесь. Что там?

Их голоса затихли, спускаясь по лестнице.

Виктория медленно сползла на пол, поджав колени. Она была опустошена и рождена заново. Запах его пота, ее возбуждения и старого дерева витал в воздухе. Она трясущейся рукой потрогала свое еще влажное от его поцелуев лицо.

Он не занялся ею до конца. Он только дал ей почувствовать вкус. Его вкус. И вкус его власти над ней.

И она поняла, что хочет большего. Всего. Чтобы эта сталь наконец пронзила ее шелк до самого конца.

Она поднялась, нашла нужную банку с гелем и через пять минут, как он и приказал, спустилась вниз. Ее походка была немного неуверенной, но на лице – тайная улыбка кошки, слизавшей сливки.

Артур стоял у входа, разговаривая по рации. Он бросил на нее быстрый, ничего не выражающий взгляд и тут же отвел его.

Но она поймала мгновенную вспышку в его глазах. Голод. И обещание продолжения.

Игра только начиналась.

Глава 3

Мастер-класс

До открытия выставки оставалось четыре дня. Напряжение в галерее достигло точки кипения. Оно витало в воздухе, смешиваясь с запахом краски, лака и пота. Напряжение от ожидания вернисажа, от неизвестности, от угроз. И напряжение между ними – густое, сладкое и мучительное.

После инцидента на антресоли Артур стал еще более замкнутым и суровым. Он увеличил количество охраны, лично проверял каждый уголок каждые два часа и почти перестал смотреть на Викторию. Но она-то чувствовала его взгляд на своей спине. Все время. Как физическое давление. Как обещание.

Она сама была на грани. Ее тело, единожды взволнованное его грубыми ласками, требовало продолжения. Она просыпалась ночью в своей квартире (он настоял, чтобы она ночевала не в студии) мокрая от снов, в которых его руки и губы делали с ней непотребные, восхитительные вещи. Она трогала себя, представляя, что это его пальцы входят в нее, его голос приказывает ей кончить, и это приносило облегчение, но лишь на время. Пустота после оргазма лишь подчеркивала, чего ей на самом деле не хватает. Его.

Сегодняшний день был посвящен свету. Настройке сложной системы прожекторов и светодиодов, которые должны были оживить ее работы, играть с тенями и подчеркивать текстуры. Работа была ювелирной, кропотливой. И, конечно, что-то пошло не так.

Главный прожектор, огромный и тяжелый, закрепленный на потолочной ферме, вдруг погас и отказался реагировать на пульт управления.

– Надо лезть проверять, – вздохнул электрик, глядя вверх с явной неохотой. – Контакты, наверное, отошли.

– Я позвоню Волкову, пусть кто-то из его ребят подстрахует, – сказал Сомов, уже доставая телефон.

– Не надо, – неожиданно для себя сказала Виктория. – Я сама. Я знаю, как он там должен быть закреплен.

Она не знала, почему сказала это. Рисковать собой ради сэкономленных десяти минут? Нет. Это был чистый, неразбавленный вызов. Ему.

Не дав никому опомниться, она схватила стремянку и поставила ее под фермой. Сердце бешено колотилось. Она полезла вверх, чувствуя, как дрожат ее колени. Не от страха высоты. От предвкушения.

И он, конечно, появился. Как по волшебству. Она еще не успела долезть до верха, когда услышала его голос снизу, холодный, как сталь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.